

Рыцари полнолуния

Ярослава Лазарева

Ярослава Лазарева
Рыцари Полнолуния
Серия «Миры Ярославы Лазаревой»
Серия «Легенды вампиров»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578500

Аннотация

Из Сети:

«Рубиан Гарц – малоизвестный поэт XVI века. Родился в Нижней Саксонии. О нем практически нет сведений. Но его стихи пользуются неизменной популярностью у любителей жанра. После неудачной попытки самоубийства в возрасте 18 лет он стал считать, что превратился в вампира. И его творчество приобрело мистические вампирские мотивы.

Литературоведы пришли к мнению, что Гарц – это псевдоним. Настоящая фамилия поэта неизвестна.

Горы Гарц или Харц (от средневекового немецкого Hart – «горный лес») располагаются на территории земель Нижняя Саксония, Саксония-Анхальт и Тюрингия. Наивысшая гора Гарца считается с позднего средневековья самым известным «местом встречи ведьм» в Европе. Именно эту гору описал Гете в своем знаменитом «Фаусте».

Почему поэт выбрал такой псевдоним, неизвестно».

Отрывки из единственного дошедшего до нас текста,
написанного самим поэтом.

Содержание

История моей любви	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ярослава Лазарева

Рыцари Полнолуния

История моей любви

Проклятье

Зовут меня Альберт Хольц. Родился я в местечке неподалеку от Гослара, в семье плотника. Но не буду здесь описывать мое детство, оно было довольно обычным...

У меня в семье из поколения в поколение передается одно предание. Оно гласит, что все самоубийцы нашего рода превращаются в вампиров. Так происходит из-за проклятия, которое наложил на нас один из предков.

Это произошло, как рассказала мне прабабушка, еще в IX веке. Один из наших предков по имени Жерве жил во Франции, в городе Труа, тогдашней столице Шампани, имел мастерскую по производству витражей и был довольно зажиточным. Но кто-то словно навел порчу на его семью. Двое сыновей и юная прекрасная дочь покончили жизнь самоубийством. Вначале старший повесился в сарае во дворе, не оставив предсмертной записки. Жерве долго горевал и молча сносил позор. Но через два года второй сын утопился в пруду.

ду. Решили, что это несчастный случай, но когда нашли тело, обнаружили привязанный к шее камень. Тщательно обыскав комнату сына, Жерве нашел записку, которая гласила: «Простите меня, родные! Но жизнь больше не имеет смысла без моей любимой». Как выяснилось, его недавно оставила возлюбленная. И слабый юноша не смог справиться с горем.

Но все дети Жерве отличались необыкновенной чувствительностью. Это передалось им от матери. Жерве женился на ней, когда ей было шестнадцать. Она работала вышивальщицей парчовых риз при церкви. Была очень скромна, набожна и в то же время чрезвычайно эмоциональна. Жерве пытался повлиять на супругу, как-то изменить ее характер, но она лишь начинала плакать и замыкалась в себе. И все их дети, на удивление, походили на мать чувствительной натурой. Даже мальчики-близнецы, которым было всего по три года, часто плакали, капризничали и нередко впадали в меланхолию, так несвойственную маленьким детям.

После смерти старших сыновей Жерве глаз не спускал с пятнадцатилетней дочери. Но и ее не уберег. И как только он не уследил за ней? Но влюбленные девушки умеют скрывать свои тайны настолько хорошо, что и ангел не догадается. Гуляя в саду, она через ограду заметила юношу, внимательно наблюдающего за ней. Он тут же подошел. Они разговорились. Новый знакомый стал приходить к ограде чуть ли не каждый день. Девушка, унаследовав эмоциональность своей матери, мгновенно влюбилась. Но через какое-то время вы-

яснилось, что ее избранник женат. В мастерской Жерве применялась довольно новая техника изготовления витражей, а именно цветное протравливание. Для него использовалась плавиковая кислота. Обезумевшая от горя девушка выкрала из мастерской отца эту кислоту, закрылась в своей комнате и выпила ее. Умерла она в страшных мучениях.

Самоубийц закапывали за чертой кладбища. Никто из друзей Жерве не пришел на похороны. Жена лежала дома в беспамятстве от горя. Совершив погребение, Жерве заплатил могильщику и отпустил его. Потом сидел возле могилы дочери в полном одиночестве, пока не стемнело. Он рыдал, закрыв лицо руками, затем, затихнув, смотрел на уже осевшие холмики, под которыми покоились два его сына. Когда взошла луна, Жерве словно помешался. Он вдруг встал, простер руки над могилами детей и громко произнес:

– Да будут прокляты самым страшным проклятием все члены моего рода, которые лишь помыслят уйти из жизни добровольно. Пусть их тела после совершения этого, самого ужасного из смертных грехов никогда не знают упокоения, пусть превратятся они в исчадия ада, бродят по земле в мерзком облике кровососов, существуют в муках вечно и служат предостережением для всех моих родных по крови. Да будет так!

И едва он произнес это страшное проклятие, раздался отвратительный смех. Жерве словно опомнился, его лицо приобрело более осмысленное выражение. Он с испугом смот-

рел, как с неба камнем падают на могилы огромные черные птицы и начинают когтями разрывать землю. Он начал креститься, шептать молитвы, но птицы превратились в черных волков. Их красные глаза горели, с клыков капала слюна. Жерве в ужасе спрятался за ближайшие кусты. Волки мгновенно разрыли все три могилы. И вот перед остекленевшим взглядом Жерве встали из ям два полуразложившихся трупа его сыновей, а затем и только что закопанный труп дочери в белом платье. Сыновья встряхнулись, расхохотались, их тела обросли плотью. Они приблизились к сестре. Жерве увидел, как они вдруг подняли головы к луне и зарычали. Из их раскрытых ртов торчали длинные клыки. Он вновь начал креститься, бессвязно прося господина простить его. Проклятые дети приблизились к кустам, за которыми он прятался. Жерве с трудом держался на ногах. Ужас парализовал его. И вот они стоят перед ним. Увидев их мертвенно бледные, но живые лица, Жерве немного пришел в себя. Да, это были именно исчадия ада, и он сам приговорил их к этому, но все равно, это были его любимые дети.

– Ты сделал, что сделал, отец, – сказал старший сын. – И пусть тебя это не тревожит! Все равно мы были в аду. И этот ад самоубийц настолько страшен по своей сути, что мы даже не знаем, где нам будет лучше. Возможно, ты совершил милосердие по отношению к нам. О, если бы мы при жизни знали, каково это, оказаться в таком невыносимо мучительном мире, где существование – бесконечная пытка, то разве

мы бы сделали то, что сделали?!

– Разве можно сравнить эти мимолетные, незначительные, так называемые страдания из-за несчастной любви, – продолжил второй сын, – с теми страшными пытками, через которые проходят потерянные души самоубийц?! Отец, Запиши проклятие на бумаге, схорони ее и накажи своим детям передавать этот документ из поколения в поколение. Может, так ты убережешь наших родных от этого ужаса.

Агнешка

Я никогда не видел бумаги с записанным проклятием, но отец всем нам с раннего детства рассказывал о нем. Особенно доставалось мне. Отец постоянно стращал меня вампирами, адом самоубийц, непременным исполнением проклятия. Думаю, именно я вызывал у него определенные опасения. Мои два брата и младшая сестричка росли обычными детьми, послушными, трудолюбивыми, с раннего детства помогали и отцу и матери по хозяйству, их путь казался ясным и правильным. Братья хотели стать плотниками и продолжить семейное дело, сестра мечтала удачно выйти замуж, нарожать кучу детишек. Один я грезил о чем-то несбыточном, в голове постоянно роились неясные образы, слова складывались в красивые напевные строчки, но писать я не умел и быстро забывал приходящие откуда-то песни. Но, видно, так уж я был устроен с самого рождения. Когда мне испол-

нилось семь, я зачастил в нашу церковь. Отец поначалу обрадовался, но когда я стал пропадать там с утра и до ночи, он решил, что я отлыниваю от работы по хозяйству, и запретил мне бывать там каждый день. Но все равно я убегал туда. Меня привлекали беседы с отцом Иоахимом, нашим священником. Он много рассказывал о святых великомучениках, об их деяниях и, как правило, ужасной насильственной смерти. Книги с красочными иллюстрациями завораживали меня, я мог часами рассматривать картинки, это рождало в душе вспышки какого-то мучительного озарения, хотелось выразить свои чувства в красивых словах. Отец Иоахим словно читал в моей душе, он же предложил мне научиться грамоте, заявив, что видит во мне несомненные способности к наукам и литературе. И когда отец сильно разгневался, что я в очередной раз убежал с утра в церковь и пропадал там до самого вечера, именно отец Иоахим выручил меня. Он пошел к нам в дом и в два счета объяснил разозленному до предела отцу, что намного выгоднее для семьи иметь образованного сына, который может впоследствии устроиться в Госларе писарем, а это не чета плотнику. Отец тут же смягчился, начал улыбаться и выяснять, во сколько ему обойдется обучение. Отец Иоахим ответил, что денег он не возьмет, а я могу помогать в церкви, те же дрова напилить и наколоть, полы вымыть, стекла протереть, да мало ли какая еще возникнет нужда. Отец окончательно подобрел и разрешил мне проводить там времени столько, сколько понадобится. И с тех пор

я ежедневно и беспрепятственно уходил в храм.

Стихи я начал записывать практически сразу, как овладел грамотой. Но никому их не показывал, считая это чем-то постыдным. Складывал я строфы интуитивно, ориентируясь на внутренние мелодии, откуда-то приходившие ко мне. Я пытался, пока неуклюже, выразить в словах сильные эмоции, которые постоянно овладевали мной, мешали спать, работать и попросту жить. Когда я оформлял их в предложения, пусть поначалу и нескладные, мне становилось легче. Так я жил до семнадцати лет. Сейчас мне кажется, это были самые безмятежные и счастливые годы. Грамоту я освоил быстро, писал чисто и уже приносил в дом копейку, составляя для односельчан прошения и прочие нужные документы. Все, мной заработанные деньги забирал отец.

И вот как-то в церковь заглянула девушка. Было утро, недавно закончилась служба, я остался и помогал привести храм в порядок, обирал оплывшие остатки свечей, протирал зацелованные стекла икон, затем набрал воду в ведро и принялся отмывать каменные плиты пола. Дверь раскрылась, солнечный поток хлынул на мокрые плиты, я машинально сощурился и опустил голову. Звонкий, но робкий голосок заставил меня открыть глаза.

– День добрый! – пропел голосок. – Вы не подскажете, где мне найти господина Хольца?

В проеме двери, словно бы оплавленная золотыми лучами солнца, замерла стройная девичья фигурка. Кудри, выби-

вающиеся из-под косынки, шевелились на легком ветерке и казались живым ореолом, пронизанным солнечными искорками. Я застыл и на миг потерял дар речи. Мне показалось, это ангел слетел с небес.

– Мне нужен господин Хольц, – робко повторил «ангел».

– Но здесь такого нет, – растерянно ответил я, даже мысли не допуская, что кто-то может меня, сына плотника, назвать господином.

– Простите великодушно... Но меня направили именно сюда. Мне нужно составить письмо моей матушке, она проживает в Госларе. Но я совсем не знаю грамоты, – застенчиво проговорил «ангел».

– Ах да! – наконец пришел я в себя. – Вам нужно письмо? Это ко мне!

– Значит, вы и есть господин Хольц? – расцвел «ангел» милой улыбкой и сделал пару шагов ко мне.

– Меня зовут Альберт, можно просто Берт, – не в силах преодолеть смущение, ответил я.

– А меня Агнешка, – сообщил «ангел» и зарделся.

– Агнешка? – удивился я странному звучанию имени.

– Мы из Польши, – сказала она. – Моя мама актриса.

– Разве в Госларе есть театр? – удивился я и тут же прикусил язык от своей несдержанности.

– Маму пригласил один знатный господин, – пояснила девушка и покраснела сильнее. – Он видел ее выступление в Варшаве, мама прекрасно поет и танцует. И предложил ей

весьма выгодный контракт. У него в этих местах огромное поместье, он очень богат и даже устроил домашний театр.

– Но как вы оказались в нашей деревне? – удивился я.

Смущаясь все больше, я тщательно отжал тряпку и покинул церковь. Агнешка следовала за мной. Я прошел дворик, спустился с небольшого холма, вымыл ведро в ручье, опрокинул его на пень, аккуратно развесил тряпку на ближайшем кусте шиповника. Было начало июня, и куст покрылся яркими розовыми цветами.

– Ой, что вы сделали? – испуганно проговорила Агнешка и осторожно сняла тряпку, расстелив ее на траве.

– Что? – глупо спросил я, не сводя глаз с девушки.

Никогда я не видел никого прекраснее. Нежная юная блондинка с русыми воздушными кудряшками, с тонкой почти прозрачной кожей, с огромными синими глазами, опущенными длинными ресницами – Агнешка, и правда, казалась неземным существом. И вдруг она своими нежными ручками взяла половую тряпку. Это показалось мне вопиющим недоразумением, мир словно рухнул к ее ногам, чтобы попросить прощения за такую несправедливость. Эта девушка могла касаться только цветов.

– Вы закрыли тряпкой шиповниковые розочки, – тихо ответила Агнешка. – А они так прелестны! И такой волшебный аромат.

Она наклонилась к кусту и втянула своим очаровательным носиком воздух. У меня перехватило дыхание от этой пре-

красной картины. Эмоции захлестнули, мысли путались, но слова, красивые, тут же возникшие, будто ниоткуда, слова, привычно начали складываться в рифмованные строчки. И мне захотелось их записать.

– Так вам нужно составить какую-то бумагу? – с трудом взяв себя в руки, уточнил я. – Вы так и не ответили, как оказались в нашей деревне.

– Здесь живет наша дальняя родственница, – пояснила Агнешка. – Мы ее раньше никогда не видели, ведь постоянно проживали в Польше. Но вот сейчас... мама решила, что мне лучше будет побыть у нее какое-то время. Она не хочет, чтобы я оставалась при театре этого господина.

«Это можно понять, – мелькнули мысли. – Такое прелестное создание наверняка вызовет недостойные желания у господ. Ее мать права, услав дочку подальше».

– Сколько вам лет? – машинально спросил я и снова смешался от своей бестактности.

– Месяц назад исполнилось пятнадцать, – сообщила Агнешка. – А вам, господин Хольц? – после паузы с любопытством поинтересовалась она.

– Семнадцать, – сказал я. – Но не надо называть меня господином. Я ведь сын плотника, а грамоте меня выучил наш священник, отец Иоахим. Зовите меня просто Берт.

– Хорошо, Берт, – согласилась она и снова сильно смутилась.

– Так у кого вы живете? Я местный и всех знаю.

– У тетушки Софи, ее домик на самом краю деревни... за речкой, – ответила Агнешка. – Я уж три дня как к ней приехала. И уже сильно соскучилась по матушке, – тихо добавила она.

– Так вы родственница Софии! – удивился я, вспоминая старую женщину, живущую на отшибе.

Ее ветхий домик стоял как бы особняком. Деревня располагалась по высокому берегу реки, одно время решили, что нужно строиться и на другом берегу. София первой поселилась там, но за ней никто не последовал из-за сильного наводнения, которое затопило ее новый дом и огород. Больше такой воды у нас не было, но жители уже опасались селиться на низком берегу, так София и осталась в одиночестве. Через реку перекинули шаткий мостик, его периодически чинили, и старушка не была отрезана от мира. Она ходила за нуждами в деревню, часто посещала церковь. Я вспомнил ее морщинистое добродушное лицо и попытался найти хоть какое-то сходство с ее юной родственницей. Но невозможно сравнить старую высохшую корягу с едва распускающейся розой.

Мы замолчали, мое смущение нарастало. Я никак не мог выровнять дыхание, оно при одном взгляде на нежное лицо Агнешки сбивалось.

– Так вы напишите письмо, госпо... Берт? – после затянувшейся паузы спросила она. – Я заплачу.

И Агнешка начала рыться в кармане юбки. Протянув мне

на ладони монету, робко спросила, хватит ли. Но я даже не взглянул на ее достоинство. Я был готов без всякой платы не то что письмо написать, но и луну с неба достать. Никогда я не видел таких прекрасных воздушных созданий.

У нас в деревне довольно много девушек, но все они отличались коренастыми крепкими фигурами, румяными круглыми лицами и пышными формами. К тому же были громкоголосы и весьма задиристы. И я старался поменьше с ними общаться. Иногда ходил на танцы, которые устраивались на пятачке возле речки, но обычно стоял, подпирая плечом какое-нибудь дерево и наблюдая за танцующими парочками. Девушки особо на меня внимания не обращали. К тому же я очень стеснялся своей рыжей шевелюры и ярких веснушек, усеивающих мой нос и щеки, и считал себя малопривлекательным для противоположного пола. И вот такое прекрасное создание, похожее на небесного ангела, снизошло до меня, разговаривает со мной и даже обращается с просьбой. Я заметил, что ее одежда разительно отличалась от нарядов наших деревенских девушек. Они тоже носили длинные юбки и блузы, в основном из грубого небеленого полотна, а у Агнешки юбка была светло-серой с кружевными оборками, блузка – нежно-голубой, из какого-то легкого материала, синий пояс, завязанный сзади пышным бантом, подчеркивал ее тончайшую талию. И этот наряд еще больше придавал ей сходства с неземным существом, так я тогда подумал.

Мы вернулись в церковь, я составил письмо для ее матуш-

ки и категорически отказался брать деньги за услугу. Агнешка вначале настаивала, потом смирилась и горячо меня поблагодарила. Мы расстались, но с тех пор я не знал покоя. И по вечерам стал украдкой приходит к дому Софии и, затаившись за кустами, ждать, когда увижу милую девушку. Агнешка иногда выходила во двор. Я видел, что несмотря на ее изнеженный вид, она не гнушается никакой работы и всячески старается помочь тетушке. И это только добавило жара моим и без того пылающим эмоциям. Я грезил наяву, я видел ее во сне. И писал. Только стихи могли облегчить мое состояние. Сколько же я сочинял тогда! Думаю, что ни один университет не помог бы мне так быстро продвинуться в изучении тайн стихосложения, как эта ежедневная практика. Я сравнивал свои новые творения с предыдущими, ясно видел все недочеты и старался улучшить текст, хотел добиться божественного совершенства только ради Агнешки. Я мечтал когда-нибудь записать все эти стихи в красивую тетрадь и подарить милой. Сердце начинало колотиться сильнее, когда я представлял, как она удивится и зардеется от смущения и удовольствия. То, что ей понравятся мои перлы, я почти не сомневался, ведь они выходили все лучше и лучше. Конечно, я знал, что она не владеет грамотой, но надеялся сам прочитать ей стихи. В мечтах я видел нас сидящими на берегу речки при закатном освещении... Агнешка склонила голову мне на плечо, а я с чувством декламирую ей поэтические признания в любви... И кто знает, может, ее сердечко

откликнется.

Лето пролетело, как один миг. Мы не так часто виделись с Агнешкой, она вела замкнутый образ жизни и почти не выходила со двора, но те редкие встречи, когда она появлялась в церкви, были для меня словно жемчужины в раковине моей истосковавшейся по ответной любви душе. У меня уже скопилось около ста стихотворений, я собрал их в цикл и озаглавил «Моему милому ангелу». Про себя я только так называл Агнешку. Деревенские парни тоже обратили внимание на странную замкнутую девушку, поселившуюся у Софии. Но попыткам познакомиться с ней поближе Агнешка всячески противилась. Парни были раззадорены, а девушки возненавидели таинственную чужестранку.

В октябре меня постигло горе: моя милая исчезла. Она больше не посещала церковь, не просила меня написать ее мамушке или прочесть, что та пишет ей. Я несколько раз приходил к дому Софии, но там было тихо. Неделью я предавался отчаянию, почти не ел и не спал, мучимый самыми мрачными мыслями. Окончательно потеряв голову, не нашел ничего лучшего, как обратиться к отцу с нелепой просьбой посвататься к Агнешке. Тот пришел в исступление. Никогда я не видел отца в таком гневе. Он кричал, что не позволит своему сыну жениться на дочери «актерки и потаскушки», что всем в деревне известно, кто такая Агнешка и где служит ее мать, и как только девушка появилась у нас, сразу навели справки, что за особа поселилась у Софии.

– Это Иоахим свел вас?! – орал отец в гневе. – А еще святой отец! Да он старый сводник! Ты в церкви с ней познакомился? А где же еще! Ведь эта девка только туда и ходила.

Я не успел помешать ему, отец вылетел из дома. Он шел размашистым стремительным шагом, я почти бежал за ним, хватая за рукава и пытаюсь остановить. Но он только отмахивался от меня, как от надоедливового комара.

Отец Иоахим встретил нас на пороге храма. Он смотрел с немим изумлением на раскрасневшегося разъяренного отца и явно не понимал, что привело его в такой поздний час в церковь. Тем более вечерняя служба уже закончилась. Плохо помню, что отец орал ему. Запоздавшие прихожане стояли поодаль и внимательно слушали, покачивая головами и тихо переговариваясь. Отец Иоахим вначале оцепенел, затем увел нас за церковь во дворик, укрытый со всех сторон каменными стенами. Он усадил отца на скамью и остановился перед ним. Его речь была четкой и уверенной. Он клялся, что понятия не имеет ни о чем происходящем, и я никогда не встречался в стенах церкви ни с одной девицей, все это какое-то ужасное недоразумение. Мой отец вначале тяжело вздыхал и сопел, видимо, с трудом сдерживаясь от комментариев. Но постепенно успокоился и начал слушать священника более внимательно. Я тоже пришел в себя. Но последние слова отца Иоахима были словно внезапный сильный удар.

– Мать нашла Агнешке подходящую партию, – спокойно

говорил отец Иоахим. — Поэтому девушка уехала. Ее выдадут замуж за достойного и богатого господина, и это правильно. Так и должно быть.

— Нет! — закричал я. — Так не должно быть!

Мужчины глянули на меня с недоумением. Но я уже плохо соображал, что делаю. Я бросился в крохотную пристройку, в которой читал священные книги и писал стихи, плотно закрыл за собой дверь и зажег свечу. Мне казалось, что мир провалился в тартарары, жизнь кончилась, ведь без милого ангела не может ни солнце встать, ни луна взойти. И в то же время невыносимый стыд охватил меня за то, что я позволил чувству поглотить меня.

— Никому, никому это не нужно! — твердил я, обезумев от горя. — Я жалок и смешон. И мои стихи глупы! Их никто никогда не прочитает.

Я вынул листы из потайного ящика, начал рвать их и подносить куски к свече. Бумага вспыхивала, строчки горели, как мне казалось, весело, и я начал истерично хохотать и бросать горящие клочки на пол. Сильный дым почти привел меня в чувство, но я тут же впал в беспамятство.

Очнулся дома. Перепуганные мать и сестра сидели возле меня. Увидев, что я открыл глаза, они выдохнули, заулыбались и наперебой заговорили, что все сейчас будет хорошо. Как оказалось, я устроил «случайный» пожар в пристройке, надышался дыма и потерял сознание. Именно такую версию сообщили односельчанам. Об Агнешке ни отец, ни священ-

ник больше не упоминали. Я решил тоже молчать. Постепенно все более-менее пришло в норму, но отец строго-настро-го запретил мне читать книги даже о великомучениках, а в церковь отпускал только на службы. Между ним и священником словно кошка пробежала. Но мне было уже все равно. Я делал вид, что спокоен, жил обычной жизнью, но не мог вернуть то мироощущение гармонии любви к моему милому ангелу, в котором пребывал последнее время. Моя душа наполнилась беспросветным мраком, я испытывал постоянную дичайшую боль и хотел любым путем избавиться от нее. Думал ли я тогда о проклятии нашего рода? По правде говоря, даже не вспоминал. Тем более, из бесед с отцом Иоахимом я точно знал, что вампиры не существуют, это всего лишь выдумки. Он был уверен в этом и наставлял, что бояться стоит только ада и его чертей. Я знал, самоубийство – смертный грех, как раз об этом священник говорил не раз и цитировал выдержки из Библии, но даже это не могло остановить меня. Хорошо помню, как я буквально мечтал о скорой смерти. Мне казалось, только она навсегда излечит меня от душевной боли. Как же я был глуп тогда! Но жизнь без Агнешки приносила лишь невыносимое страдание. Эта девушка выросла в мое сердце розовым прекрасным бутонem, и вырвать ее оттуда не было никакой возможности.

Вампир

В одну из ночей, когда я грезил о бездонной синеве глаз любимой и видел ее будто наяву, мне показалось, что я слышу ее тихий нежный голосок. Это отрезвило меня. Я выпрыгнул на топчане, на котором обычно спал, и прислушался. Мои родные дружно похрапывали, наш кот мурлыкал у меня в ногах, ничего особого не происходило. Но вот кто-то тихо стукнул в окно. Я соскользнул с топчана и прильнул к мутному стеклу. Полная луна хорошо освещала окрестности. И на меня смотрели широко раскрытые глаза... Агнешки. Я мгновенно узнал их, как и пушистые кудрявые волосы. Пронизанные лунными лучами, они окружали лицо девушки светящимся ореолом. Я решил, что схожу с ума, и чуть не потерял сознание. Но личико Агнешки снова приблизилось к стеклу. Это была, несомненно, она. И я, подрагивая от волнения, вышел во двор, стараясь не стучать дверями. Странно, но наш пес не облаял незваную гостью. Он крутился рядом с ней, яростно виляя хвостом.

– Ты? – взволнованно заговорил я и увлек ее в амбар. – Но откуда?!

Агнешка тряслась так, что даже зубы стучали. Но ночь была совсем не холодной, осень стояла теплая, постоянно светило солнце и прогревало землю. Я обнял дрожащую девушку, все еще не веря, что вижу ее.

– Берт, – наконец, заговорила она, – я убежала. Убежала от мужа. Но мама не приняла меня и отправила обратно к законному супругу. Тогда я кинулась к тетушке. Приехала час назад. Но и тетушка разгневалась на мое поведение, накричала на меня и выгнала из дома, сказав, что не хочет неприятностей из-за меня. Куда мне теперь? Но к нему я не вернусь. Лучше умереть!

Я выглянул из амбара. Было тихо. Луна освещала все вокруг так ярко, словно горела огромная лампа. Я усадил Агнешку на пустые мешки, быстро принес колодезной воды. Она пила жадно, но все еще тряслась, я слышал, как зубы стучат о край ковша.

– Он старый..., – после паузы продолжила она, – но богат. Поэтому матушка закрывает глаза на все... Ему уже за семьдесят... он заставляет меня делать какие-то немыслимые гадости... я больше не могу... помоги мне, Берт! Ты был всегда так добр ко мне. К кому я могу еще пойти?

– Нужно уйти подальше от моего дома, – сказал я, собравшись с мыслями. – А там видно будет.

Агнешка доверчиво на меня посмотрела. Тень слабой улыбки появилась на ее бледных губах. И это придало мне решимости. Я вывел ее из амбара, взял в кладовой краюху хлеба, пару луковиц, бутыль с молоком, и мы двинулись прочь со двора. Никакого плана у меня не было. Для начала я просто хотел увести девушку из деревни. И когда мы благополучно дошли до церкви, я замедлил шаг. Мелькнула

мысль попросить отца Иоахима приютить беглянку хотя бы на время.

– Ты ведешь меня в храм, Берт? – прошептала Агнешка. – Но мой муж найдет меня и там. Он знает, что в этой деревне живет тетушка Софи.

Я замедлил шаг. Ее замечание было резонным, к тому же я вспомнил о моей неудавшейся попытке сватовства и последующего пожара в пристройке. И это меня мгновенно остановило. Я не хотел, чтобы Агнешка обо всем узнала от отца Иоахима. И если я приведу ее к нему, то где гарантии, что он не вспомнит об этом случае? И что он подумает, увидев нас ночью вместе?

– Может, отвести тебя в женский монастырь? – предложил я. – В округе находится община сестер – кармелиток. Они не откажут тебе в приюте. Пешком идти с полчаса.

«И кармелитки вообще не разговаривают, – припомнил я. – Кажется, при пострижении они дают обет молчания. И это нам только на руку. Никаких лишних вопросов».

– Да, да! – обрадовалась Агнешка. – Это лучше всего! Монахини должны принять меня... защитить. В какую сторону нам идти?

Ее глаза загорелись, улыбка озарила радостью осунувшееся личико, я видел, что Агнешка приободрилась, и уповал на лучшее.

Мы быстро двинулись по дороге, уводящей нас из деревни. Вначале прошли небольшую рощицу, затем наш путь ле-

жал через поле. Я начал волноваться, местность была открытой, а высоко стоящая луна заливала окрестности ярким светом. Но выхода не было, да и чего нам было опасаться? Мы уже удалились от деревни на приличное расстояние. Я взял Агнешку за руку и быстро пошел по дороге. Когда до ближайшего леса оставалось совсем немного, услышал топот копыт и крики. Агнешка мучительно застонала, затряслась и в бессилии опустилась на землю. Я оглянулся. Три всадника стремительно к нам приближались. Я закрыл своим телом обмершую девушку. И как только сильные руки попытались оттащить меня, начал сопротивляться. Но их было трое, к тому же вооруженных. Седой господин с суровым уродливым лицом уже поднял Агнешку и прижал ее к себе. Его черные глаза смотрели на меня с лютой ненавистью. Девушка, казалось, была без сознания.

– Отпусти ее, мерзкий урод! – заорал я.

– Она моя жена перед богом и людьми, – сухо проговорил господин.

Двое его сопровождающих замахнулись на меня мечами. Но он быстро поднял руку. Они отступили.

– Зачем нам его кровь? – презрительно проговорил муж Агнешки. – Пусть убирается! Но учти, юнец, если ты хоть одному человеку расскажешь об этой истории, тебе несдобровать!

Он легко перекинул бесчувственное тело девушки через седло, вскочил на коня и помчался прочь. Слуги последова-

ли за ним. А я остался на пыльной дороге, в бессилии глядя им вслед и посылая проклятия. Но что я мог сделать? Я понимал, что все кончено, мой милый ангел снова в лапах этого чудовища и никогда, никогда я ее не увижу. Отчаяние помutilo мой разум. Я не помнил, как добрался домой, душу выжигала боль. А ведь я мог попытаться найти Агнешку, похитить ее, сделать хоть что-нибудь для ее освобождения, убежать с ней в другую страну. Да что угодно! Но я находился во власти безумия и жажды смерти. И твердил про себя лишь одно: зачем мне жизнь без любимой? Вспоминал ли я о проклятии рода? Думаю, нет. Я забрался в амбар, быстро сделал скользящую петлю, привязал конец веревки к толстому крюку, на который отец обычно вешал забитых овец, чтобы ободрать с них шкуру, сунул голову в петлю и оттолкнул ногой чурбан.

Все произошло мгновенно. Но я не исчез в небытие, как надеялся. Вначале навалилась жуткая боль, началось удушье, я бился, хрипел, даже пытался ослабить петлю. Но она все сильнее сдавливала горло. И вот мое тело стало невесомым, но сознание не исчезло. И я поплыл куда-то вверх, в черноту, пронизанную лунными искорками. Стало легко, я даже засмеялся. Но тут некое белое существо преградило мне путь. Оно распахнуло свои полупрозрачные крылья, заполнив ими все видимое пространство.

– Ты проклят, – мелодичным голосом произнесло существо. – Твой путь иной.

– Пропустите меня! – взмолился я. – Я так устал от этой боли!

– Все терпят, – скорбно сообщило существо. – Терпят до конца. И не каждый сует голову в петлю. Ты сам выбрал свой путь. Иди по нему, а мы бессильны тебе помочь.

Существо мягко коснулось моей головы своим крылом, и я ощутил, будто тяжелая гиря легла на лоб и придавила меня вниз. И полетел куда-то в пропасть. Моя шея скользнула в петлю, я увидел, что снова нахожусь в амбаре и болтаюсь подвешенный. Странно, но боли не было, хотя петля туго сжала шею. Однако я легко выбрался из нее, встал на ноги и выпрямился. И тут меня начало трясти, мое тело претерпевало какие-то чудовищные метаморфозы. Я упал на землю, корчась от невыносимо мучительных ощущений, казалось, жидкое пламя разливается внутри.

Когда очнулся, то совсем ничего не чувствовал. Я встал, оглядел себя. И вроде бы ничего не изменилось. Руки, ноги на месте, но внутри ощущение огня в венах стремительно менялось на жгучий холод. И это было неприятно. Я раскрыл дверь амбара. Во дворе было тихо, луна безмолвно сияла. Какая-то тень появилась в небе. Я прищурился, но зрение вдруг настолько обострилось, что я на огромной высоте различил филина, видел даже его круглые желтые глаза, глядящие, казалось, прямо на меня. Странная птица слетела камнем вниз и прямо передо мной превратилась в седовласого мужчину.

– Приветствую тебя, Альберт! – произнес он. – В нашем клане прибыло.

Я растерялся и отступил на шаг к амбару. Человек-филин расхохотался.

– Не бойся! – сказал он. – Меня зовут Атанас. И я твой родственник по крови, только родился несколько раньше тебя.

– Ты вампир? – осенило меня. – Проклятие рода!

– Да, дорогой Альберт, – закивал он. – Глупые, глупые юноши! Ничего-то мы не понимаем. А ведь это недостойная слабость – уходить из жизни, а не бороться с предлагаемыми обстоятельствами. И я когда-то из-за любви покончил с собой. И к чему это привело?

И Атанас развел руками. Но я не верил ему. Мне сразу не понравилось ни его лицо, нарочито приветливое, но казавшееся мне хищным, ни его притворно-заботливая манера разговора, ни его взгляд, напряженный, но мертвяще-холодный.

– Уходите, – сказал я. – Или... улетайте! Мне не нужны советчики. Я хочу остаться один на один со своим несчастьем. И буду искать выход!

Атанас неожиданно расхохотался. Меня это сбilo с толку, и я замолчал.

– Что ж ты раньше не искал выхода и не помог своей возлюбленной? – ехидно спросил он. – А сейчас уж поздно кулаками махать. Ты вампир. И это навечно! Прими это как дан-

ность. Думал помочь тебе приноровиться к новому состоянию. Но раз хочешь сам все постичь, как будет угодно. Но учти, первичная жажда крови неумолима и нужно научиться ее контролировать. Я прошел через это, как и все новообращенные. Не оставляй за собой кучу трупов. Охотники на вампиров не дремлют и быстро выслеживают таких вот новичков в нашем мире. И уничтожить тебя сейчас легче легкого. Удачи! – весело пожелал он, крутнулся, раскинув руки, оброс перьями и взмыл вверх.

– И без твоих советов обойдусь! – злобно пробормотал я и пошел прочь со двора.

Мне не хотелось прощаться с родными и даже смотреть на них. Мало ли! А вдруг Атанас прав и жажда крови невыносима? Но пока я только чувствовал какую-то странную сухость во рту и необычайную легкость во всем теле. Я вышел за пределы деревни и ускорил шаг. Я что-то чуял, какой-то знакомый запах. Ветерок доносил до меня будто бы нежный аромат волос Агнешки. И я поверил своему сильно обострившемуся обонянию и стремительно двинулся на запах. Странно, но мои ноги неслись так быстро, что перед глазами все мелькало. Мне даже на миг показалось, что я уже не касаюсь земли. Запах усилился, я затормозил, но не рассчитал собственного ускорения и врезался в мужчину. От удара он кубарем покатился по дороге, но тут же вскочил. С неопишуемым восторгом я понял, на кого налетел. Но пока точно не знал границ своей силы, хотя уже осознавал, что

простому смертному с вампиром не справиться.

— Это ты, щенок?! — в исступлении заорал муж Агнешки. — Ты что, с неба свалился? Взять его!

— Господин! На помощь! — в ужасе закричали в этот момент слуги.

И мы резко обернулись. Я увидел лежащую на обочине Агнешку. Луна ярко освещала ее серое застывшее лицо, разметавшиеся по пыли пышные кудри, распростертое тело. Но мне лунный свет был уже не нужен. Мои глаза стали видеть и в темноте, я четко различал скрытое тенью капюшона лицо одного из слуг. Он опустил на колени перед Агнешкой и застыл. Скорбное выражение насторожило меня. Другой слуга стоял в оцепенении рядом. И тут я ощутил начавший распространяться, ни с чем несравнимый запах смерти. Он все усиливался, исходя от тела моего милого ангела.

— Госпожа перестала дышать, — глухо сообщил один из слуг.

— Она мертва, — подтвердил другой и трижды перекрестился.

— Нет! — с мукой вскрикнул муж Агнешки и бросился к телу.

— Госпожа скончалась, — хором сказали слуги и отошли.

— Это ты убил! — дрожащим от злобы голосом констатировал я. — Мерзкий старик, подлый убийца невинной девушки.

— Нет, нет, — растерянно ответил муж Агнешки. — Она была без сознания все это время, но я вез ее осторожно, хотел

добраться до города, а там к врачу... Я тут ни при чем! Клянусь!

Он упал на колени и приложил ухо к ее груди. Но я оттолкнул его. Осознание, что я вампир, придало сил. Мне казалось, что я все могу и даже оживить мертвую. Но сердце Агнешки не билось, дыхания не было, тело обмякло. Я тряс ее, пытался приоткрыть веки, вдуть в ее рот воздух. Все было бесполезно. Агнешка умерла. Видимо, ее нежное чувствительное сердечко не вынесло последних событий.

Ее муж пришел в себя и взревел, как раненый зверь. Он вырвал труп жены из моих рук и начал орать, чтобы я не трогал дорогое ему тело и немедленно убирался прочь, иначе слуги схватят меня и отвезут к нему в замок, а уж там мне не поздоровится. Лучшее, что случится со мной – заточение в подземелье навечно, пообещал он. И тут я не выдержал и начал хохотать. Слуги по знаку хозяина прыгнули ко мне, но я одним движением свернул им шеи и отбросил тела в сторону. Муж Агнешки вперил в меня остановившийся взгляд и вдруг я отчетливо услышал его мысли: «Этот парень не в себе, он впал в безумие от горя, а может, он одержим дьяволом?! Господи, спаси и сохрани! Его лицо все страшнее, он уже сам как труп... Надо убираться прочь от греха подальше. Мои слуги убиты, мне с ним не совладать».

Я слышал каждое слово и злобно улыбался. Мне казалось, что я сильный кот, а в моих лапах старая напуганная мышь. И я бросился на него. Тело Агнешки откатилось, ее муж упал

на спину, но успел выхватить нож и вонзил его мне в бок. Но я лишь рассмеялся, придавив жертву к земле. Затем вынул нож, тщательно вытер его окровавленный конец и приставил острие к его шее.

– Пощади! – прохрипел он, выпучив глаза.

– А ты ее пощадил, мерзкий урод?! – зашипел я. – Ты измывался над несчастной, удовлетворяя свою отвратительную похоть... И она не вынесла и умерла, лишь бы не оказаться вновь в твоих лапах... Мой милый бедный ангел...

И я полоснул ножом по вздувшейся вене на его шее. Кровь хлынула и лишила меня разума. Я припал и пил до тех пор, пока не ощутил, что окончательно переродился. Оторвавшись, я встал и оглядел трупы. Мне хотелось уйти. Но Агнешка! Я не мог просто так оставить ее здесь. Все еще жалею, что тогда так быстро прогнал Атанаса. Наверняка он бы рассказал мне, как обратить умирающую девушку в вампира. И я бы сделал это. Но в тот момент я понятия не имел, на что способен. Я подхватил ее на руки и понесся к обители кармелиток.

Едва я постучал в каменную калитку, как она раскрылась. Монахиня с бледным лицом, в черной рясе, но босоногая стояла передо мной. И молча смотрела мне в глаза.

– На дороге произошло убийство, – торопливо проговорил я. – Наверняка разбойники напали... Вы позаботьтесь о новопреставленной.

И я положил труп Агнешки на каменную скамью, стоя-

щую у входа. Монахиня молча подошла, послушала дыхание, сердце, затем отступила и перекрестилась.

– Там на дороге остались ее спутники, – сообщил я. – Они тоже мертвы.

Монахиня молча смотрела мне в глаза. Но прочитать ее мысли мне не удавалось. Я хотел уйти, но она вдруг заговорила:

– Я принадлежу к ордену кармелиток, а мы даем обет молчания. Но я его нарушу ради тебя, юноша. Ты проклят... я знаю это, словно ангелы мне нашептывают правду. И это родовое проклятие. И ты уже... не человек.

Я застыл, слушая ее тихий шелестящий голос. Но внутри было лишь холодное любопытство.

– Мучения ждут тебя, но выход есть даже из самого отчаянного положения, – продолжила она.

– Благодарю за напутствие, сестра, – ответил я, видя, что она замолчала. – Но из положения, в котором я очутился, уже нет никакого выхода. Моя любимая мертва, а я уже не человек, как вы верно заметили.

– «Ищите и обрящете, стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят», – медленно процитировала она из Нагорной проповеди и подняла руку, словно хотела перекрестить меня.

Но тут же опустила ее и ушла за калитку. А я все стоял и смотрел на тело моей любимой, лежащее на скамье. Довольно скоро появились кармелитки. Не обращая на меня внима-

ния, они подняли тело Агнешки и скрылись в обители. Калитка плотно закрылась, а я остался в одиночестве в ночи.

Но острота горя странно притупилась. Я ощутил голод, мне хотелось крови, и уже ни о чем другом я думать не мог. И вернулся на дорогу. Тела еще не остыли. Я попытался насытиться, но кровь показалось мне совсем другой, чем из только что разрезанной вены. Она словно загустела и была не такой вкусной. И я отправился искать свежую кровь...

Вечная жизнь

Я существовал, как все вампиры после превращения, прошел известный путь от ненасытной жажды крови до осмысленного воздержания. Атанас несколько раз появился на моем пути, но я отчего-то не хотел общаться ни с кем из клана кровных родственников и вел жизнь вампира-одиночки. Это было трудно и даже опасно. Мне приходилось все постигать путем проб и ошибок, мое новое тело обладало неизвестными мне способностями, и первое время я не мог управлять им. Иногда взмывал вверх при малейшей опасности, это происходило будто помимо воли, я казался сам себе тряпичной куклой, подброшенной в воздух неизвестной силой. Иногда уносился куда-то в сторону, словно сильный поток ветра подхватывал меня. Много чего происходило не совсем приятного. Но я освоился, научился управлять телом и уже осознанно пользовался своими новыми возможностями. Боль-

ше всего привлекали метаморфозы, я попробовал облик мыши, крысы, кошки, различных птиц. По вкусу пришелся образ дикого голубя, часто глубокой ночью я летал высоко над землей, испытывая непередаваемый восторг.

Я путешествовал по странам, иногда наталкивался на вампирские кланы, невольно вторгаясь на их территорию. Но на контакт не шел и старался сразу покинуть опасное место. Время будто потеряло свою значимость, я знал, что буду существовать вечно в таком облике, и всячески уговаривал себя смириться, научиться жить и получать наслаждение. Но пока все мои удовольствия заключались в употреблении свежей крови. Я был крайне осторожен, искал жертв вдали от людских поселений, нападал на какого-нибудь одинокого странника или заблудившегося грибника. И никогда, никогда не преследовал девушек, хотя всем своим нутром чувал, что самая вкусная кровь именно у них. Но память о несчастной Агнешке еще была жива. Именно это останавливало меня, когда я примечал в лесу или на полянке группу гуляющих девушек. Все мое существо тянулось к ним, клыки неудержимо росли, но я сдерживал себя и лишь незаметно следил за ними, любуясь их красотой. Эстетическая сторона привлекала меня сейчас намного сильнее, чем когда я был простым смертным. В человеческом облике меня тянуло заглянуть во внутренний мир людей, я жил эмоциями, чувствами, вдохновение питало меня, но сейчас внутри оставался только холод. Странно, иногда я ловил себя на мысли, что

какие-то былые порывы тревожат мою сущность, рука тянется записать что-то неуловимое, когда я вижу прекрасную девушку, гуляющую по лугу и плетущую венок из васильков и ромашек. Но я лишь холодно и отстраненно созерцал красоту картины. Мой ум становился все острее, и довольно быстро я понял, что все дело в отсутствии у меня души. Сатана забирает ее у вампиров, об этом я узнал позднее.

Время шло, я жил, вернее существовал, перестав считать дни, месяцы, годы. Но однажды случайная встреча все изменила. Как-то лунной ночью – а это было мое любимое время – я плавно летел над лесом, раскинув крылья и поглядывая на землю. Я находился в Италии, хотя в тот период совсем перестал отслеживать, в каком государстве я оказался. Мне было все едино, для меня это была просто земля. Лес, море, город, деревня, численность населения – я мыслил такими категориями. Все упростилось, национальность уже не имела значения, все люди мира воспринимались, прежде всего, как источники свежей крови.

Подо мной расстилался лес, с одной стороны он поднимался в горы, с другой – оканчивался у кромки воды. Я заметил крохотное селение у моря, ощутил легкий голод, мое зрение и слух обострились многократно. И тут до меня донесся какой-то хрип, но звуки шли из чащи. Вампиру всегда скучно, он гоняется за любым развлечением, поэтому любопытен ко всему, что происходит в окрестностях. Я плавно спустился, заметил между крон деревьев соломенную крышу

какого-то небольшого строения, что-то наподобие избышки лесника. Хрип доносился оттуда. Приняв облик человека, я спрыгнул на землю и приблизился к распахнутой двери. Вампиры! Я чувствовал их энергию. Но встречаться с чужаками не хотелось, знал по опыту, что кланы очень замкнуты, поэтому пришельцев встречают агрессивно. Я замер, не зная, как поступить. Но любопытство взяло верх. Обратившись в мышь, я скользнул внутрь избышки, стараясь не шуршать соломой. На что я надеялся? Ведь это были не люди, и они мгновенно меня обнаружили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.